

«Убратъ его!..»

I.

— Убратъ его!.. говорилъ инспекторъ начальныхъ народныхъ училищъ, сѣденькій старичекъ съ умнымъ, но по педагогическому обычаю сухимъ выраженіемъ лица, читая оф-

фициальное описание произведеннаго учителемъ Стеблевымъ, въ уѣздномъ городѣ, буйства, въ пьяномъ видѣ, купно съ уѣзднымъ докторомъ, его закладкою.

И учитель Стеблевъ былъ «убранъ», но еще при крайне счастливомъ для него стеченіи обстоятельствъ, такъ какъ инспекторъ народныхъ училищъ, не смотря на педагогическую сухость свою, предложилъ Стеблеву, частнымъ образомъ, въ виду еще первой случившейся съ нимъ оказіи, «убрать-ся» самому.

II.

Николай Ивановичъ Стеблевъ былъ еще очень молодой человекъ, изъ семинаристовъ, не вкусившихъ плодовъ премудрости III класса духовной семинаріи. Онъ былъ сынъ-горемыка такой же горемыки-попадѣи, вдовы, обладавшей социальнымъ положеніемъ келейницы въ праотчемъ селѣ.

— Здравствуй, матушка! сказала своей старухѣ Стеблевъ, явившійся къ ней какъ свѣтъ на голову.

— О-охъ, родименькій! заохала она. Не случилось ли чего?..

— Случилось: изъ должности выгнали!

— О-ох-хохо! еще пуще завывла старуха.

Больше и разговоръ не было у матери съ сыномъ. Помолчавъ со старухой дня два — да и о чемъ было говорить! Бѣдность не пріучаетъ человека къ сантиментальнымъ разговорамъ — эхъ-учитель перевѣсилъ свои дырявые арзамаскіе сапоги черезъ плечо, вмѣстѣ съ узелкомъ изъ ветхаго полинялаго платка ивановской фабрикаціи, заключавшимъ все имущество бѣдняги — двѣ перемѣны бѣлья — и дорожную провизію — пирогъ изъ сѣрой муки съ «аминемъ» (т. е. безъ всякой начинки), испеченный старухой-матерью, и поплелся въ путь-дорогу, образомъ пѣшаго хожденія, въ «губернію», т. е. въ свой губернский городъ, гдѣ думалъ найти себѣ кусокъ хлѣба, такъ какъ проѣдаться даромъ у матери было негоже, да и юныя силы манили куда-то, подмывали къ дѣятельности.

До городу считалось верстъ около полтораста, но что стоило отломать ихъ неизбѣженному, здоровому семинаристу, закаленному чуть не со дня рожденія во всякихъ передрагахъ!

Найдя себѣ пристанище у такого же голыша, товарища по семинаріи, Стеблевъ сталъ похаживать, отъ нечего дѣлать, въ городскую бібліотеку, гдѣ думалъ узнать и о мѣстечкѣ, такъ какъ въ бібліотекѣ всякаго народу въ день-денской перебивается много, да и бібліотекаръ извѣстенъ ему былъ за самаго душевнаго человека. И дѣйствительно, Леонидъ Николаевичъ Каменевъ былъ одинъ изъ тѣхъ цѣлостно-сохранившихся идеалистовъ сороковыхъ годовъ, которыхъ въ настоящее время такъ мало остается... потому что ихъ и въ сороковыхъ-то годахъ было не слишкомъ много. Леонидъ Николаевичъ Каменевъ былъ еще тѣмъ болѣе наивнымъ идеалистомъ-философомъ, что никогда не имѣлъ за собой ни одной крѣпостной души, которыми обладали большинство людей сороковыхъ годовъ, никогда и понятія не имѣлъ о сколько-нибудь обезпеченномъ состояніи, и весь свой вѣкъ пробивался уроками въ чиновничьихъ, мѣщанскихъ и мелкихъ купеческихъ семьяхъ, по 15 коп. за урокъ, зачитываясь въ свободное время, преимущественно по ночамъ, «хорошихъ книжекъ» до одуренія, и наконецъ, когда наступили новые порядки, и отъ людей, занимающихся преподаваніемъ, стали требовать извѣстнаго оффиціальнаго экзамена, бросилъ свое вѣчное учительство, не желая для себя никакой оффиціальной аттестаціи, хотя по своимъ познаніямъ шутя могъ бы выдержать экзаменъ на учителя, и нашелъ себѣ также совершенно подходящее занятіе — бібліотекаря въ городской бібліотекѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Леонидъ Николаевичъ былъ тутъ на мѣстѣ:

не говоря уже о томъ, что крайне запущенная бібліотека приведена была имъ въ возможный порядокъ, онъ изъ кожи лѣзъ, пользуясь своими сношеніями съ большимъ числомъ лицъ различнаго званія и состоянія, толкавшихся въ бібліотекѣ, чтобы разузнавать о нуждающихся въ работѣ и доставлять ее имъ.

Стеблевъ по своему чуждому элегантности костюму, по выбору книгъ и по долгимъ часамъ, проводимымъ имъ въ бібліотекѣ, обратилъ на себя вниманіе Леонида Николаевича, который вскорѣ и узналъ отъ него все подробности его положенія. Стеблевъ ему откровенно признался, что сначала вель дѣла въ школѣ очень аккуратно; затѣмъ сблизился съ мѣстнымъ эскулапомъ, малымъ доброй души и высокихъ способностей, но горькимъ пьяницей, и сталъ съ нимъ коротать вечера за чарочкой, а потомъ впилился и пропивалъ все свои скудныя средства до того, что даже и одежкой совсѣмъ истрепался. Затѣмъ, въ пьяномъ видѣ, неразлучно съ докторомъ, учинилъ публичный скандалъ и былъ «убранъ». Леонидъ Николаевичъ видѣлъ однако ясно, что Стеблевъ былъ настолько молодъ и не испорченъ, что серьезно принялъ къ свѣдѣнію этотъ урокъ жизни, и не изжившись еще, мечталъ о всевозможныхъ подвигахъ...

III.

Дмитрій Сергѣевичъ Дубковъ, членъ уѣзднаго училищнаго совѣта отъ земства, сидѣлъ въ одно прескверное ноябрьское утро въ своемъ тепломъ кабинетѣ и глубокомысленно занимался чисткою ногтей, когда ему доложили, что его спрашиваетъ какой-то человекъ.

Дмитрій Сергѣевичъ считалъ себя передовымъ и потому полагалъ своею гражданскою обязанностью принимать всякихъ «человѣковъ».

Передъ его земскую особу предсталъ высокій, смотрящій изъ-подлобья, молодой человекъ, и подалъ ему записку отъ Леонида Николаевича, въ которой говорилось, что податель ея, Стеблевъ, человекъ способный, честный, голодный, и ищетъ мѣста сельскаго учителя.

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ Дмитрій Сергѣевичъ (онъ самъ конечно не зналъ, чему онъ радъ); къ тому же мы нуждаемся въ учителѣ, такъ какъ на-дняхъ открылась вакансія. Я доложу о васъ совѣту. Жалованье небольшое — 75 рублей въ годъ, но все-таки, при разумной экономіи, на эти средства въ деревнѣ жить можно... Пока походите въ какое сами выберете городское училище, поприглядитесь къ преподаванію, а тамъ мы дадимъ вамъ пробный урокъ, и если найдемъ ваше преподаваніе удовлетворительнымъ, назначимъ васъ на мѣсто.

Недѣли черезъ двѣ Стеблевъ былъ опредѣленъ, съ вѣдома инспектора народныхъ училищъ, опять-таки несмотря на его педагогическую сухость, на должность учителя карцевской сельской школы, отстоящей отъ губернскаго города всего въ 25 верстахъ, причѣмъ получилъ отъ Дмитрія Сергѣевича на дорогу 2 рубля, такъ какъ изъ свободныхъ остатковъ училищнаго совѣта на этотъ предметъ могъ получить всего 87 копѣекъ.

Давая Стеблеву 2 рубля «изъ своей собственности», Дмитрій Сергѣевичъ, вообще всегда заглядывавшій далеко впередъ, думалъ съ одной стороны сохранить въ глазахъ Леонида Николаевича реноме передоваго человека, а съ другой онъ думалъ: «при нашихъ преобразованіяхъ, Dieu sait, кто можетъ пригодиться... Избиратели... Учитель... Вліяніе учителя на массу, на избирателей... Благодарность его...»

IV.

Вечерѣло. Свѣтъ опускался на безбрежную сѣроватую отъ надвигавшихся сумерекъ равнину мягкими, влажными

хлопьями и заслонялъ собою слабое мерцаніе поднимавшейся отъ линіи горизонта луны. Пахло оттепелью, хотя на дворѣ стоялъ ноябрь.

Жестоко размахивая покраснѣвшими, не отъ холоду, а отъ усиленнаго кровообращенія руками, широко шагаль Николай Ивановичъ Стеблевъ по аллеѣ заброшенной много лѣтъ тому назадъ большой дороги (онъ шелъ березками), и жадно впивался взоромъ въ какія-то горныя точки, въ которыхъ виднѣлась ему цѣль его путешествія — село Карцево. Голодь его сильно одолеваль—въ кулечкѣ за плечами не было даже пирога съ «аминемъ»—по всему тѣлу пробѣгали мурашки отъ усиленной ходьбы, въ немъ чувствовался какой-то не то жаръ, не то зудъ. Наконецъ, въ носъ явственнѣе сталъ кидаться запахъ дыма, жилья, и показалась околица съ воротцами. Стеблевъ, поскрипѣвъ воротцами, вошелъ въ улицу и, по обыкновенію, встрѣченъ былъ дружнымъ тѣвганьемъ нивѣсть откуда появившихся привѣтствовать новаго жильца мохнатыхъ барбоокъ, жучекекъ и шариковъ.

Стеблевъ постучался въ окно первой, поавшейся ему на глаза, засыпанной сверху до-низу снѣгомъ, избенки, изъ которой исходилъ красноватый, тусклый свѣтъ лучины, и спросилъ, гдѣ живетъ волостной старшина Парфенъ Семеновичъ Топорковъ.

— А вотъ заулочъ-атъ пройдешь, родименькій, вонъ изба-то Артемья Гарасича бокомъ на улицу вышла, такъ тутъ тебѣ будетъ питейный; пройди-ко-съ колодець, тамъ на тея взглянетъ Трофима Абрамыча домина, изукрашенная такая, съ коньками, да зазубринками, такъ рядомъ-атъ и будетъ теѣ старшины Парфена Семеныча изба, хорошая такая, нарядная тоже... Да ты отколь? Для-ча къ намъ пожаловаль? не могла не полюбопытствовать баба, говорившая въ одномъ повойникѣ, держа на своемъ затылкѣ поднятую раму окошка.

— Изъ города. Учителемъ у васъ буду.

— Ишь дѣло-то какое! удивилась почему-то баба; стало-быть ребятенокъ за часословъ сжать станешь?..

— Да, за часословъ. Спасибо тетенька! обрѣзаль Стеблевъ, не имѣя охоты излагать передъ бабой свой методъ преподаванія.

— Понимаемъ!.. Ну, съ Богомъ, родименькій!.. Такъ заулочъ-атъ пройдешь — изба Артемья Гарасича теѣ будетъ, колодець пройдешь...

Но Стеблевъ уже болѣе не слушалъ наставленій бабы и неистово снова зашагалъ по мокрому снѣгу.

V.

— Волостной старшина дома? спрашиваль Стеблевъ, стучась въ окно опознанной имъ, по рассказамъ бабы, избы Парфена Семеновича.

Черезъ нѣсколько времени звякнуло стекло и показалась прежде всего изъ окна рыжая борода, потомъ широкое лицо самого Парфена Семеновича Топоркова.

— А вамъ на-что его, старшину-то? спросилъ онъ.

— Дѣло есть. Изъ городу пришелъ.

— Ну, милости просимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ избѣ, еще неосвѣщенной, Парфенъ Семеновичъ снова переспросилъ:

— На-что вамъ старшину-то?

— Учителемъ я сюда назначенъ.

— А, ну ладно. Я самый старшина и есть, Парфенъ Семеновъ Топорковъ. Милости просимъ! И Парфенъ Семеновичъ протянулъ Стеблеву свою могучую ладонь ребромъ, причемъ нѣсколько разъ помялъ руку гостя въ своей, и прибавилъ:

— Вотъ сейчасъ огня вздуемъ, да...—Парфенъ Семеновичъ оглянулся по сторонамъ и, почесавъ затылокъ, крик-

нуль:—Аксинья Федоровна, а Аксинья Федоровна! Самоварчикъ бы, того...

Съ печки слышались вздохи, затѣмъ нѣсколько сладкихъ и широкихъ зѣвковъ, послѣ чего Аксинья Федоровна, супруга Парфена Семеновича, сначала свѣсила свои расплывшіяся ноги, обутыя въ шерстяные чулки, съ печи, зѣвнула еще разъ, причѣмъ перекрестила на всякій случай, для спокойствія, ротъ, и въ однихъ чулкахъ, схвативъ самоваръ подъмышку, не накинувъ и душегрѣйки, вышла въ сѣни, пошептывая себѣ подъ носъ: «Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!» Скоро изъ сѣней сталъ доноситься самоварный гулъ, а при каждомъ входѣ и выходѣ хозяйки, приготовлявшей на столѣ, въ красномъ углу, чашки и всѣ принадлежности чаепитія, врывался въ избу ѣдкій запахъ дыма, обильно исходявшаго изъ жестяной трубы, наставленной на самоваръ.

— Такъ вы къ намъ учителемъ, значить... Т-э-э-ксь! протянулъ Парфенъ Семеновичъ и, обильно поплевавъ на пальцы, снялъ съ нагорѣвшей сальной свѣчи свѣтильню, причѣмъ она такъ затрещала, что чуть не погасла; поплевавъ снова на пальцы, Парфенъ Семеновичъ обтеръ ихъ объ голову и расправилъ бороду.

— Вотъ бывшій учитель — ничего, хорошій бы парень былъ, да больно до кабака лють былъ: здорово зашибался. Вы какъ?

— Да я—ничего! Своимъ дѣломъ пришелъ заниматься, а не въ кабакѣ сидѣть.

— Это точно, что дѣломъ своимъ заниматься—оно благонадежнѣй будетъ, чѣмъ... Я такъ только, къ слову молвилъ... Оно и тотъ-то у насъ спервоначалу ничего бы, а потомъ и пошолъ, и пошолъ!.. Совсѣлъ угорѣлъ парень... Ну, да тамъ, какъ милость Божья будетъ!..

Наступило молчаніе.

— Вы по какой методи учить станете? снова началъ Парфенъ Семеновичъ.

Стеблевъ едва сдержалъ улыбку и отвѣчалъ:

— По новой, по звуковой.

— Т-э-э-ксь. Мы тоже этти методи маненько мекаемъ. Я вѣдь попечителемъ училища состою уже шестой годъ, и награду за труды свои и усердіе получилъ... Не въ примѣръ по новому этта способиѣ! Только этта сказалъ обрывчато: *ил!* А уаъ мальченка и знаетъ, что это *покой* значить. А то, бывало, этта: *буки-азъ-ба, буки-азъ-ба*, а толку никакого нѣту. Оно точно...

Поставивъ самоваръ на столъ, отчего собесѣдники могли, вслѣдствіе обильнаго пара, видѣть другъ друга лишь въ густомъ туманѣ, Аксинья Федоровна, немного помявшись передъ супругомъ и прикрывъ ротъ концомъ головного платка, замѣтила, что его Ѳедотъ спрашиваетъ.

— Не время, скажи... Утре! промолвилъ Парфенъ Семеновичъ.

— Очень говоритъ...

— Не время. Сказано — утре! снова подтвердилъ Парфенъ Семеновичъ.

— Да онъ, можетъ, Парфенъ Семеновичъ, денегъ принесъ, долгъ...

— А, ну позови его, что тамъ? порѣшилъ Парфенъ Семеновичъ и смахнулъ на полъ нѣсколькихъ рѣзвыхъ таракановъ, бѣгавшихъ черезъ-чуръ близко около его руки, положенной на темный отъ времени столъ, уже успѣвшій, по обыкновенію, сильно ороситься потоками кипятку изъ самовара.

Ѳедотъ, бузнецъ-гвоздяникъ, работавшій на Парфена Семеновича, одного изъ крупнѣйшихъ хозяевъ-гвоздяниковъ, сбывавшаго выдѣлываемые мѣстнымъ населеніемъ гвозди—шпигорья, однотесь, двутесь, ухналь, конный, шинъ, при-

шипъ и т. п., въ городѣ, въ тамошнія желѣзныя лавки,—не заставилъ себя долго ждать и робко остановился у порога.

Усердно покрестившись на образа и отвѣсивъ низкій поклонъ, Федотъ обратился къ Парфену Семеновичу.

— Къ вашей милости, Парфень Семенычъ.

— Чего надѣтъ? Долгъ что ли принесъ?

— Какое долгъ!.. Федотъ переминался съ ноги на ногу... вотъ рубликъ бы, въ счетъ...

— Субботы рази не знаешь? Въ субботу расчетъ.

— Хлѣба купить не на что. Вотъ передъ истиннымъ!.. И Федотъ было уже занесъ руку для широкаго креста.

— Ну, хлѣба не на что, такъ водки найдешь на что купить.

— Како теперь водка, не жрамши-то! Сдѣлайте божескую милость, Парфень Семенычъ, въ вѣкъ...

— И не утруждай! Сказано—въ субботу, и—шабашъ.

Съ четверть часа еще шли переговоры; Федотъ ссылался все болѣе на «Истиннаго», а Парфень Семенычъ—на субботу и крѣпко стоялъ на своемъ, опираясь на невыплаченный еще Федотомъ старый заборъ, такъ что Федотъ ушолъ, съ чѣмъ пришолъ.

— Съ этимъ народомъ теперича—бѣда! началъ Парфень Семеновичъ по уходѣ Федота. Совсѣмъ отъ рукъ отбился. Да еще пальцемъ его теперь не тронь...

И Парфень Семеновичъ пустился въ разсужденія объ исторченной нравственности народной, съ такимъ апломбомъ, что ему позавидовалъ бы редакторъ любой газеты одного съ Парфеномъ Семеновичемъ направленія.

Стеблевъ, хорошо самъ знавшій народную жизнь и отношенія хозяевъ къ рабочимъ, съ иной только точки зрѣнія, не счелъ однако умѣстнымъ спорить съ Парфеномъ Семеновичемъ и казалось слушалъ его внимательно, чѣмъ тотъ остался видимо очень доволенъ.

Наговорившись всласть, Парфень Семеновичъ распорядился посредствомъ старосты о сборѣ на утро мальчиговъ въ школу и объ отводѣ ночлега для Стеблева у хозяевъ, сдававшихъ квартиру подъ школу, и, по-просту помявъ снова въ своей рукѣ руку Стеблева, пожелалъ ему покойной ночи, пріятнаго сна, чѣмъ достигъ того же, чего нѣмцы достигаютъ, говоря своимъ засидѣвшимся гостямъ: *machen sie, bitte, die Thüre von aussen zu.*

VI.

— Ну, ребяташки, говорилъ Стеблевъ разношерстой масъ по преимуществу свѣтлоголовыхъ мальчугановъ, собранныхъ на другой день, по наряду старосты, въ школу,—вотъ будемъ учиться. Хотите что ли учиться?

— Хотимъ, хотимъ! Жалаемъ! слышалось на разные голоса.

— Ладно. Будемъ учиться на то, чтобъ мозгами лучше шевелить. Одинъ ученый десятерыхъ неученыхъ стоитъ. Что ученый понимаетъ, до того неученому и въ вѣкъ не додуматься. Ну, да объ этомъ мы еще послѣ потолкуемъ. А теперь вы мнѣ, братцы, вотъ что скажите... Ну-ка, вотъ ты, крайній на лавкѣ, слѣва! Скажи мнѣ, куда ты пришелъ?

Мальчуганъ сначала осмотрѣлъ сосѣдей, потомъ нагнувъ голову, точно быкъ, намѣревающейся поднять кого-нибудь на рога, и затѣмъ шмыгнувъ носомъ, на низкихъ нотахъ отвѣтилъ, скобля столъ ногтемъ:

— Въ училища.

— Хорошо. А что такое это за училище?.. Скажи вотъ ты—сосѣдъ.

— Извѣстно что,—ребятъ обучаютъ, живо отвѣтилъ другой мальчуганъ, причѣмъ показалъ два ряда бѣлыхъ, какъ слоновою кость, зубовъ.

— Такъ, хорошо. А ну вонъ задній, что пальцемъ въ

носу ковыряеть! Расскажи-ка ты, какъ въ училищѣ обучаютъ.

— А кто знать? Я еще въ первой.

— Ну, да какъ ты думаешь? Какъ по твоему, что здѣсь дѣлается?

— Да вонъ Антипка намеднись сказывалъ, учитель-ать въ училищѣ, пьяный, въ присядку отмачивалъ...

Вся свѣтлоголовая ватага разразилась громкимъ смѣхомъ. Присутствовавшій при этомъ Парфенъ Семеновичъ тоже не удержался отъ улыбки, примолвивъ: «эхъ, чтобъ васъ!..» а староста, стоявшій у двери и считавшій себя въ нѣкоторомъ родѣ инспекторомъ классовъ въ торжественныхъ случаяхъ, погрозилъ мальчугану своимъ неизбѣжнымъ батожкомъ, символомъ своей власти, и прикрикнулъ: «я-те ужо, шустрый!»

Стеблевъ нѣсколько сконфузился, но тотчасъ оправился и прибавилъ:

— Бываетъ и то. Въ семьѣ не безъ урода; но мы не станемъ брать примѣра съ худа, а лучше поучимся добру... и продолжалъ свою первую, подготовительную бесѣду съ мальчиками, въ формѣ живого разговора, о школѣ, о ея задачахъ, о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, о настоящемъ его дурномъ положеніи и о возможности лучшей доли. Замѣтивъ, что мальчуганы стали утомляться, онъ предложилъ имъ снѣть пѣсню, но оказалось, что голоса были плохо сложены, и потому, оставивъ пѣнье до другаго раза, онъ сдѣлалъ перемѣну минутъ на 10, и вся мелюзга толпою, неистово стуча ногами, по лѣстницѣ (школа помѣщалась въ верхнемъ этажѣ) кинулась на улицу. Человѣкъ 5, 6 остались на мѣстѣ.

Въ школьной комнатѣ стало повольнѣ дышаться: а то ужъ очень кислымъ, да теплымъ разило, такъ что въ голову бросалось,—даже безыскусственная вентиляція отъ расшибенаго окна, въ одномъ мѣстѣ заткнутаго синей ветошкой, не помогала.

Парфенъ Семеновичъ тоже всталъ, и уходя, счелъ своей обязанностью сдѣлать Стеблеву внушеніе:

— Ладно, видно вы приобыкли къ обученью-то... Только вотъ на счетъ худого-то житья крестьянскаго... оно, того... это вы напрасно; оно пожалуй бы и не надо. Одно баловство. Ну да тамъ увидимъ. Я вѣдь часто въ училище захожу; потому—попечитель.

— А того, ловко Гаранька про учителя-то!.. смѣялся про себя въ бороду Парфенъ Семеновичъ, выйдя на улицу, и направляясь въ волостное правленіе, для подписи заготовленныхъ писаремъ бумагъ.

Все утро, вплоть до четвертаго часа пополудни, надсаживалъ свою грудь Стеблевъ въ бесѣдѣ съ мальчуганами и, сильно утомленный, жадно накинулся на пустые щи, предложенные ему хозяйкой квартиры, съ которой тутъ же сошелся на счетъ стола, по 2 р. 75 к. въ мѣсяцъ.

На другой день, Стеблевъ перешелъ уже къ ознакомленію своихъ учениковъ со звуками и не прошло и трехъ недѣль, какъ почти все младшее отдѣленіе (имъ сдѣлано было раздѣленіе школы на два отдѣленія), состоявшее изъ новичковъ, совершенно безграмотныхъ, уже довольно порядочно читало на распѣвъ и писало, по темпамъ, огромными каракулями, всѣ буквы алфавита, и кромѣ того считало до 4 и писало, въ этихъ же предѣлахъ, цифры на доскѣ.

VII.

Квартирная хозяйка Стеблева, Настасья Лукерьевна Мѣднова, была душа-баба. Молодая, красивая, бойкая, рѣчистая, полногрудая и бѣлолицая, словомъ—все отдай, и то мало!.. Жила она соломенной вдовушкой, безъ мужа, который занимался въ городѣ ломовымъ извозомъ и пріѣзжалъ домой очень рѣдко. Дѣтей у нихъ не было, а изба большая—наслѣдство отъ отца хозяйки, мѣстнаго «тысячника». Верхній этажъ от-

давался, какъ сказано, подѣ школу; въ нижнемъ «прохлажалась» одна Настасья Лукерьевна. Ничего нѣтъ мудренаго, что эта причина, соединенная съ бойкостью и любовью хозяйки къ общественности, надоумили ее, вотъ уже нѣсколько зимъ къ ряду, взять на себя тѣ обязанности, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю старухъ-келейницъ, одинокихъ солдатокъ или вообще бобылокъ,—по устройству въ своей избѣ зимнихъ посидѣнокъ. Изба Настасьи Лукерьевны была такимъ образомъ откуплена мѣстными дѣвицами, несшими хосайкѣ и жнитва; и денегъ, парни покупали, по обычаю, свѣчи, и вотъ, за пряжей льна, раздаются нѣсни, присказки и сказки, громкіе разговоры и шушуканье, и коротаетъ долгіе зимніе вечера и ночи деревенская молодежь въ настасьиной «бесѣдкѣ», высматривая суженыхъ.

Наступаютъ праздники и всѣ работы на посидѣнкахъ прекращаются: время проводится исключительно въ играхъ, пѣсняхъ и въ появленіи ряженныхъ. Все идетъ чинно и скромно. Бываетъ конечно и то, что на посидѣнки заберется пьяная ватага молодцовъ и подыметъ дымъ коромысломъ; бываетъ и не безъ того, что выдетъ дѣвушка изъ «бесѣдки», напустивъ въ нее густой клубъ холоднаго и влажнаго пару, а за нею шмыгнетъ и парень, и, вернувшись, только пуще шушукуются оба.

Вотъ являются ряженные: неизбѣжные цыганка, медвѣдь съ поводительникомъ, коза съ льняной бородкой, гусь, чортъ... Дѣвицы поютъ:

Не ходи-ка, бѣль-кудрявый,
Мимо моего сада;
Не топчи-ка, бѣль-кудрявый,
Душисту мяту...

Стеблевъ принималъ горячее участіе въ этихъ веселыхъ вечерахъ крестьянской молодежи. Сначала онъ-было сторонился отъ посѣщенія «бесѣдки» Настасьи Лукерьевны, по ловкая бабенка была такъ ласкова, да угодлива — она его крѣпко полюбила, безъ всякихъ однако заднихъ мыслей, просто за его «простоту» — и такъ резонно доказывала необходимость развлечься по вечерамъ отъ своихъ школьныхъ занятій, что Стеблевъ не устоялъ, и, посмотрѣвъ нѣсколько вечеровъ букой, такъ какъ все-таки очутился далеко не въ своемъ обществѣ, запримѣтилъ вскорѣ дѣвочку-красавицу, Машу, которой не было даже полныхъ 16 лѣтъ, да такъ втянулся въ общее веселье, что бывало только и ждетъ того часа, какъ начнетъ внизу (жилъ онъ наверху, въ школьной комнатѣ, на печкѣ) все чаще и чаще поскрипывать, да похлопывать дверь, отворяемая и затворяемая собирающимися обычными завсегдатаями посидѣнокъ... Школа между тѣмъ не страдала отъ того новаго положенія, въ которое сталъ Стеблевъ. Правда, онъ бывалъ иногда разсѣянъ съ учениками, но это случалось не часто, такъ какъ онъ страстно увлекался преподаваніемъ, и дѣло обученія шло прекрасно. Мальчуганы просто души не чаяли въ своемъ Николаѣ Ивановичѣ...

Старая, вѣчно-юная исторія сближенія двухъ молодыхъ существъ настолько извѣстна, что я не стану на ней останавливаться. Скажу лишь, что наши молодые люди, усердно поощряемые Настасьей Лукерьевной, соп атоге принявшей на себя роль посредницы между ними, положили, во что бы то ни стало, повѣнчаться, не смотря на извѣстное имъ неизбѣжное сопротивленіе родителя Маши, мѣстнаго богача, «тысячника», который ни за что не согласился бы измѣнить своимъ аристократическимъ убѣжденіямъ, и выдать свою единокровную дочь за учительшку, homo novus, безъ опредѣленнаго, уважаемаго въ средѣ мѣстныхъ аристократовъ, положенія. Но еще до вѣнца молодые люди, преимущественно подѣ вліаніемъ совѣтовъ демона-соблазнителя Настасьи Лукерьевны, зашли дальше, чѣмъ бы слѣдовало по мѣстнымъ обычаямъ.

— Такъ-то лучше? Да и родитель поговорчивѣй станетъ! говорила, чертовски лукаво блестя глазами и сладострастно улыбаясь, Настасья Лукерьевна, провожая, по окончаніи «бесѣдки», съ лучиной въ рукѣ Машу наверхъ къ Стеблеву...

VIII.

День воскресный. На яркомъ, ослѣпительной бѣлизны, снѣгѣ, покрывающемъ соломенные крыши избъ, блещутъ миллиарды радужныхъ звѣздочекъ отъ заигрывающаго уже по весеннему солнца. Чорная дорога посреди улицы чернѣетъ на солнцѣ еще спорѣе. Мѣстами группами стоятъ дѣвушки и попискиваютъ пѣсни, не боясь простудить горло на свѣжемъ еще морозномъ воздухѣ. Старики и пожилые степенные мужики, кто не въ кабакѣ, истово толкуютъ у заваленокъ о разныхъ своихъ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ; о послѣднихъ—въ смыслѣ разговоровъ о податяхъ. Молодые парни, кто также нѣ въ кабакѣ, или просто стоятъ гдѣ попало, грызя семечки и орѣхи, или вертятся около дѣвокъ, которыя при этомъ непременно закрываютъ ротъ длиннымъ рукавомъ полушубка и уставляются взоромъ на жующую около жвачку корову или на торчащую скворечню.

Выставивъ свое рыло изъ полуотворенной калитки, мычить благимъ матомъ корова, а впрывавшійся откуда-то рыжий теленокъ задаетъ такія лансады, что невозможно удержаться отъ смѣха. Вотъ ѣдутъ розвальни съ пьянымъ мужикомъ, который оретъ не то пѣсню, не то бранный речитивъ изъ неизвѣстной оперы, то и дѣло нахлестывая свою мохнатую савраску съ громадной головой и съ прыгающей на плечахъ ея некрашеной дугой, свѣсившейся совсѣмъ на правую сторону и съ развязавшимся поперечникомъ; передъ савраской бѣгутъ во всю прыть испуганныя куры, съ неизбѣжнымъ безхвостымъ пѣтухомъ впереди, только-что спокойно копавшіяся въ разогрѣтомъ солнцемъ на дорогѣ навозѣ; бѣгутъ, бѣгутъ, изо всей мочи, почти передъ самыми некованными копытами савраски, и, пробѣжавъ до полного почти изнеможенія, только тогда догадываются своротить въ сторону и тотчасъ же чинно и мирно снова принимаются за отыскиванье корма подъ ногами, швыряя ими въ обѣ стороны. Раздается громкое хрюканье и рѣжущій уши визгъ: то барбоски и жучки приняли vorочавшаго своимъ пятакомъ въ навозъ борова.

— Эка васъ лѣшій не возьметъ, окаянныя! ворчитъ себѣ въ бороду Тихонъ Григорьевичъ Квашнинъ, отецъ Маши, смотрящій далеко не по праздничному, направляясь къ своему пріятелю Парфену Семеновичу.

Но мы съ нимъ тамъ еще встрѣтимся, и потому пока посмотримъ на пеструю группу крестьянскихъ мальчишекъ, собравшуюся почти у самой околицы села.

Изъ снѣга сдѣланъ курганчикъ, аршина въ два вышины, съ небольшой площадкой наверху, на которой еле-еле могутъ умѣститься двое.

Проворный и ловкій Гаранька, тотъ самый, который отличился на первой бесѣдѣ въ школѣ, съ гикомъ и крикомъ вбѣжалъ на вершину курганчика. Остальная толпа кидается за нимъ и старается стащить его, крича: «шишь, шишь! Съ города долой!» Гаранька, изображающій изъ себя, по правиламъ игры, «царя», сильно работаетъ кулаками, локтями, ногами и даже, въ случаѣ надобности, какъ быкъ — головой, отчего многіе игроки, съ замѣтно недовольнымъ видомъ, придерживая рукой носъ, или глазъ, или губу, отходятъ въ сторону, награждая Гараньку всевозможными нелестными для него названіями. Задача «царя» состоитъ въ томъ, чтобы никого не пустить на свое мѣсто. Но вотъ Петрунькѣ удалось-таки взобраться наверхъ: Петрунька хитрый мальчишка! Сначала все стоялъ въ сторонѣ и тогда только полѣзъ въ свалку, когда, по его расчетамъ, Гаранька долженъ былъ

уже сильно поустать отъ одолѣвавшей его орды, и съ крикомъ: «Шишь! Съ города долой! Я самъ городской!» даль Гаранькѣ такого «раза», что тотъ, при громкомъ неистовомъ хохотѣ всей публики, особенной той ея части, которая еще придерживала руками носы, турманомъ полетѣлъ внизъ и прямо головой завязъ въ снѣговой кучѣ. А Петрунька стоялъ наверху козыремъ, руки въ боки, и торжественнымъ взоромъ осматривалъ своихъ вновь испеченныхъ враговъ. Дѣло въ томъ, что вся публика должна была накинуться теперь на Петруньку, затѣмъ на Федяшку, которому удастся его замѣстить, затѣмъ на Гришаньку, Сеньку и т. д., до тѣхъ поръ, пока, всѣ не измятся окончательно и не выберутъ другой игры, болѣе спокойной, напр. въ муху, въ чушки, въ чижъ, въ ласточку; а не то такъ заведутъ пѣсню:

У бабушки калачи,
Какъ огонь горячи!
Прискакали чернецы,
Похватили калачи;
Пришолъ мальчикъ —
Обжогъ пальчикъ;
Побѣжалъ на базаръ,
Никому не сказалъ:
Ни пону, ни дьячку,
Ни причетничку...

Затѣмъ, когда опять вернутся силы, поднимается снова возня, при играхъ въ кучку, въ чехарду, или въ «куча ма-ла!» и т. п.

Но отдыхаютъ ребята и частями. Умаявшіеся отъ «ѣзды» въ чехарду, т. е. на плечахъ которыхъ порядкомъ поѣздили другіе, болѣе счастливые, растягиваются въ сторонѣ отъ продолжающихъ «ѣзду», на голомъ снѣгу, какъ на мягкомъ бархатномъ коврѣ, и ведутъ другъ съ дружкой бесѣды.

— Экъ меня Петряйка взмылил! говоритъ рыбой Михейка, общающій однако быть въ свое время здоровеннымъ Михеємъ.

— Ну, и ты задалъ пару Мяхрюткѣ.

— А что ему, лоботрясу, сдѣлается!

— Чики, чики, чикалочки, ѣдетъ свинья на палочкѣ... напѣваетъ глядя въ небо Ванюшка.

— А ты полно, не замай, говоритъ онъ Антипкѣ, ни съ того, ни съ сего съѣздившему его по брюху.

— А что, братцы, Николай Иванычъ, поне, что-то быдто съ сердцовъ на Павлушку накинулси...

— Это онъ не съ сердцовъ.

— Ну, а съ чего-же?

— Знамо съ чего. Тоже мекаемъ: зазноба у него, и дрефитъ подъ часъ... Машку квашнинску знашь?

— Какъ не знать!

— Ну, то-то!

— Что ты?

— Чай не слыхалъ? Вся деревня въ одинъ голосъ гуторить... Машутку-то отецъ больно избилъ: во-какихъ фонарей понаставилъ!.. Вечоръ тятка мамѣ сказывалъ, и такъ-то корилъ, такъ-то корилъ Николай Иваныча, такъ его закрѣплялъ!.. Я было вступилси... Куды! За вихры такъ меня тятка рванулъ, что до новыхъ вѣшниковъ не забыть... Тятка баилъ, что Тихонъ, отецъ-то машуткинъ, его изживетъ безпиримѣнно.

— Ну!.. Эка, паря, жаль Николай Иваныча-то! Больно онъ душевный человекъ. И учиться-то у него любо, и пѣсни больно складно поетъ, и насъ хорошо-таково голосить выучилъ.

— И что это за душа у него! И любишь-то его, и почтеніе имѣешь, инда баловаться у него и стыдно чтой-то...

— Такой ужъ таланъ у его.

— Что вы, черти, пузо о снѣгъ грѣете? закричалъ под-

обжавшій отъ чехарды Тимошка и вуканулъ лежавшаго на спинѣ съ открытымъ ртомъ Антошку, большущимъ комомъ снѣгу, залепившимъ ему всю физиономію.

— Чортъ, дьяволь, лѣшій! Прострѣли тея горой!

— Бей его, ребята!

И сейчасъ только мирно лежавшая кучка поднялась какъ одинъ человѣкъ и навалилась на Тимошку; тотъ отчаянно барахтался подъ кучей и оралъ, точно его рѣжутъ, а отъ игры въ чехарду отдѣлилось еще нѣсколько человѣкъ и съ крикомъ «мала куча!» накинулись на того же Тимошку, который уже задыхался подъ тяжестью десятка навалившихся на него озорниковъ...

А тѣмъ временемъ въ кабакѣ Егора Дмитріевича, между охмѣлѣвшими значительно кузнецами-гвоздениками, съ неотмывающимися никогда до-бѣла, даже въ пасху, черными лицами, шолъ разговоръ о горькомъ житьѣ-бытьѣ кузнецкомъ.

— И шутъ знаетъ, что это такое, ребята! говорилъ, глухо кашляя молодой паренъ въ синей домотканкѣ. Какъ это, сдѣлай милость, такъ все улажено, что мы только мозолимъ, мозолимъ руки-то, жаримъ, жаримъ рожки-то передъ горномъ, и нѣтъ у тебя ни алтына, а Парфенъ Семенычъ, да Тихонъ Григорьичъ все богатѣютъ, да богатѣютъ... Диво-дивное!..

— Такъ ужъ, братъ, на роду написано, линія такая. И въ писаніи, баютъ, говорится... А тутъ еще зелено вино...

— Да вотъ я самъ помню, никакъ годовъ съ пятокъ назадъ, когда еще у насъ питейнаго не было, подтверждалъ Оома, по прозванію Клинобородый, и — ни, ни! Ни, Боже мой! И не надо морду-то мочить было, а облагодѣтельствовавъ вотъ Егоръ Митричъ, открылъ питейный, — и почали писать! Я самъ бывало въ ротъ этого зелья не биралъ, а тутъ — зайдешь отъ скуки пятакъ снести, глядь — другой, и третій въ компанствѣ ребромъ поставишь.

— Капуть вамъ скоро придетъ, Егоръ Митричъ, сказалъ жилистый Матвѣй Гологлазовъ; слышь, становой еще питейный отъ себя хочетъ у насъ открыть и Степку сноповскаго ужъ за сея поставить снарядилъ...

— Что-же-съ! Мы съ нашимъ почтеніемъ. Никому мѣшать не намѣрены-съ, съ тайной злобой отвѣчалъ Егоръ Митричъ, перетирая за стойкой грязнымъ полотенцемъ зеленые шкалики и босушки.

— Нѣтъ, ты скажи, отчего тысячники наши богатѣютъ! Нашими руками, окаянные, жаръ загребаютъ! Чтобъ имъ, апафемамъ... приставала все та же синяя домотканка, медленно опорожнивъ зеленую посудку и сплюнувъ на сторону ниточкой.

— Полно ты! Махнуть рукой только надуть: ничего не подѣлаешь потому... А слыхали ли, ребята, учитель, баютъ, Машку тихановскую просваталъ, заговорилъ кузнецъ Тить.

— Да слыхалъ ли ты самъ — какъ?

— Какъ?

— А вотъ какъ: спервоначалу-то: свахой поплыла, разрядилась, Настасья-хороводница, а слѣдомъ за ей — учитель... Я въ тѣ-поры на кузницу шолъ: смотрю Настасья стрѣлой пзъ тихоновыхъ воротъ вылетаетъ, простоволосая, голосить на всю деревню, за ей и учитель — тоже, во съ какимъ фонаремъ! Ну, думаю, ловко ихъ Тихонъ Григорьичъ угостилъ... Неча говорить, сватовство оба помнитъ будутъ!..

— Вотъ такъ сватовство!.. Лихо!..

Въ кабакѣ ввалилось четверо сноповскихъ ребятъ, изъ сосѣдней деревни Сноповки, тоже работавшей на карцевскихъ тысячниковъ, которые и тутъ треть заработной платы выдавали тухлой мукой изъ своихъ амбаровъ, — сильно уже хмѣльные, и подошли къ стойкѣ, за свѣжей выпивкой.

— Здорово, ребята! крикнулъ одинъ изъ прежнихъ собесѣдниковъ. Что у васъ въ Сноповкѣ всѣ живы, здоровы ли?

— Живемъ, пока мыши голову не отъѣли.

— То-то! А у насъ веселье: свадьбу играть затѣваютъ!..

И пошелъ снова рассказъ о сватовствѣ Николая Ивановича, подливаемый шуточками.

— Такъ ему и слѣдуетъ! замѣтилъ одинъ изъ сноповскихъ. Машку, подлець, у меня ни за грошь отбилъ! Я было ранѣ только для нея изъ Сноповки и шлялся сюда лѣтомъ хороводы водить. Анафема! Школьная крыса!..

Въ кабакъ вошелъ Николай Ивановичъ, съ объемистымъ синякомъ подъ правымъ глазомъ, и угрюмо потребовалъ себѣ шкаликъ, положивъ на стойку мѣдную монету.

Разговоръ пріутихъ, но вскорѣ сноповскій соперникъ Стеблева, подбавивъ себѣ въ голову еще хмѣльныхъ паровъ, не стерпѣлъ и сталъ издѣваться надъ Стеблевымъ. Тотъ-было сначала отмалчивался, но когда придирки становились все назойливѣе, и когда къ нему стала приставать съ обидными насмѣшками уже почти вся пьяная компанія, блеснуль нестерпимо злыми глазами и обругалъ всѣхъ сволочью. Сноповскій соперникъ его—въ ухо, Стеблевъ далъ сдачи, у остальныхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, руки зачесались—началась общая свалка, и черезъ нѣсколько минутъ Стеблевъ, весь избитый и окровавленный, былъ вышвырнутъ на улицу, а пьяная ватага еще пуще налегла на зелено-вино, и орала, забывъ свое безотрадное житье кузнецкое, совершенно ужъ нецензурную нѣсню.

IX.

Тихонъ Григорьевичъ Квашнинъ, сидя почетнымъ гостемъ у Парфена Семеновича, послѣ обычныхъ привѣтствій и отнѣкиваній пропустить рюмочку-другую сантуринскаго и закусить жемкомъ или изюминкой, погладилъ нѣсколько разъ свою бороду и сказалъ:

— А вѣдь я къ тебѣ, Парфень Семеновичъ, по дѣлу.. Помоги, кумъ!

— Ну-косъ, сказывай. Можетъ и поможемъ.

— Все на счетъ учителя-то вашего.

— Оказія!.. Слыхаль, слыхаль, кумъ! И самому-то онъ мнѣ претить: почтенія у него къ начальству мало,—а что и за человѣкъ, коли въ немъ этого чувства нѣтъ!..

— Просто проходу мнѣ мужики не даютъ: «важно, бають, дочь-отъ просваталъ!» Такъ галдятъ, что на-поди!

— Дѣла!..

— Не оставь, родимый; научи уму-разуму, какъ бы мнѣ его, проклятаго пса, донять такъ, чтобы отъ него и званья у насъ не осталось...

— Это можно. Это нашихъ рукъ дѣло. Это можно, кумъ.. Пригубь, сдѣлай милость...

Началось продолжительное совѣщаніе, на которомъ рѣшена была участь Стеблева: старшина, онъ же и попечитель училища, въ рапортѣ училищному совѣту распишетъ Стеблева, какъ слѣдуетъ, а Тихонъ Григорьевичъ, съ своей стороны, отправится на другой день къ становому приставу, своему давнишнему пріятелю и благожелателю, и сначала переговоритъ съ нимъ частнымъ образомъ, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, подастъ куда слѣдуетъ формальную жалобу на Стеблева, въ растлѣніи имъ несовершеннолѣтней его, Тихона Григорьева Квашнина, дочери Марьи.

X.

Въ жарко натопленной казенными дровами обширной желтой комнатѣ, въ помѣщеніи штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, на диванѣ, подъ небольшимъ зеркаломъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидитъ тучный мужчина лѣтъ 50-ти, членъ училищнаго совѣта отъ города, избранный въ совѣтъ предсѣдателемъ его, на 1 годъ. По правую руку его помѣщается, сгорбившись, геморроидальнаго вида, съ жидкими сѣдыми баками и съ тропой благонамѣренности на подбород-

къ, штатный смотритель, онъ же, по положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣлопроизводитель совѣта; по лѣвую—развалившаяся въ креслѣ изящная фигура члена отъ земства, извѣстнаго уже намъ Дмитрія Сергѣевича Дубкова; другой членъ отъ земства отсутствовалъ за болѣзнь; противъ предсѣдателя—членъ отъ духовнаго вѣдомства, въ камлавкѣ, съ наперстнымъ крестомъ на груди; членъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ блисталъ своимъ отсутствіемъ.

Засѣданіе еще только начиналось.

— Ну-съ, Иванъ Ивановичъ, начинайте, что у васъ, чѣмъ нынче угощать будете? пригласилъ предсѣдатель довольно граціознымъ жестомъ правой руки штатнаго смотрителя.

— Да вотъ, тутъ вотъ бумажка есть: отъ инспектора народныхъ училищъ.

— Читайте, читайте, послушаемъ, чего угодно отъ насъ Афанасію Алексѣичу.

— Да ничего, такъ, пустяки: чтобы учителя одного, по распоряженію округа, къ намъ не опредѣлять.

— А все-таки читайте: къ начальству нужно быть внимательнымъ, острилъ предсѣдатель, лукаво улыбаясь.

— Да вотъ, сейчасъ... и Иванъ Ивановичъ гнусливо и поминутно запинаясь сталъ читать со всѣми подробностями: «Министерство народнаго просвѣщенія, —скій учебный округъ, инспекторъ начальныхъ народныхъ училищъ —ской губерніи, апрѣля 23 дня 187. года, № 487. Его превосходительство господинъ попечитель —скаго учебнаго округа далъ мнѣ знать», и т. д. Дойдя до подписи, Иванъ Ивановичъ и подпись прочиталъ.

— Къ свѣдѣнію! сказалъ предсѣдатель и снова пригласилъ столь же граціознымъ жестомъ Ивана Ивановича къ продолженію чтенія.

— А вотъ еще, учитель мармыжскаго училища доноситъ, что въ классѣ его, всю зиму, по причинѣ холода, заниматься почти невозможно было...

— Да вѣдь зима-то ужъ прошла почти; впрочемъ читайте, читайте.

— Да вотъ... и Иванъ Ивановичъ снова сталъ читать также подробно: «Въ —скій уѣздный училищный совѣтъ, учителя мармыжскаго начальнаго народнаго училища Ивана Тихонравова рапортъ. Я, нижеподписавшійся, учитель мармыжскаго начальнаго народнаго училища, симъ имѣю честь довести до свѣдѣнія онаго совѣта», и т. д. И снова была прочитана полная подпись: «учитель мармыжскаго начальнаго народнаго училища Иванъ Тихонравовъ руку приложилъ». Иначе ужъ Иванъ Ивановичъ читать не умѣлъ: такая ужъ у него пунктуальность въ натурѣ была.

— Еще что?

— Да вотъ, рапортъ попечителя карцевскаго училища Топоркова, о вновь опредѣленномъ учителѣ Стеблевѣ.

— Читайте, читайте!

— Вотъ... «Въ —скій уѣздный училищный совѣтъ, попечителя карцевскаго начальнаго народнаго училища Парфена Семенова Топоркова почтительнѣйшій рапортъ. Оному училищному совѣту считаю своей непремѣнной обязанностью, по долгу службы и принятой присяги, донести: учитель Стеблевъ ведетъ себя непохвально: занимается болѣе виномъ, а не обученіемъ нашихъ крестьянскихъ дѣтей въ училищѣ; замѣченъ въ произведеніи буйства съ дракой въ питейномъ заведеніи села Карцева; вмѣсто божественнаго пѣснопѣнія, каковое подобало бы размягчать души малолѣтнихъ отроковъ, непристойно горланить съ ними всякія грубыя мужицкія пѣсни; обученіемъ дѣтей вообще занимается небрежно, а потому, такъ какъ чрезъ все сіе вышеизложенное можетъ произойти явный вредъ и соблазнъ, тѣмъ болѣе, что дурной примѣръ учителя можетъ имѣть пагубныя послѣдствія въ разсужденіи крестьянскихъ мальчиковъ, то я, обязанный по ш-

струкціи, блюсти за благосостояніемъ вѣреннаго мнѣ училища и исполнѣ откровенно передъ начальствомъ имѣю честь объ ономъ объяснить, ожидая милостиваго со стороны уѣзднаго училищнаго совѣта распоряженія и приказанія. Попечитель карцевскаго начальнаго народнаго училища, Парфень Семеновъ Топорковъ. Апрѣля 27 дня, 187. года».

— Ну чтожъ: убрать его!.. рѣшилъ предсѣдатель и всеѣмъ корпусомъ обратился къ члену отъ земства Дмитрію Сергѣевичу Дубкову.

Тотъ пожалъ плечами, поглядѣлъ на свои прозрачные розовые ногти и флегматически подтвердилъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія... Только вы, Иванъ Ивановичъ, не забудьте, пожалуйста, удержать изъ его жалованья 2 рубля, которые я ему далъ на дорогу изъ своей собственности (на послѣднихъ словахъ Дмитрій Сергѣевичъ сдѣлалъ удареніе)... Нельзя же было ему отказать въ его тогдашнемъ положеніи.

— Такъ убрать его? А? снова переспросилъ предсѣдатель, уже обращаясь къ члену отъ духовнаго вѣдомства.

— Всеконечно, тѣмъ болѣе непристойныя пѣснопѣнія... и членъ отъ духовнаго вѣдомства низко наклонилъ свою голову въ знакъ полнѣйшаго согласія.

— Вотъ, тутъ вотъ и отъ слѣдователя есть отношеніе, добавилъ Иванъ Ивановичъ, вытаскивая еще бумагу изъ толстой, лежавшей слѣва отъ него кучи рапортовъ, предписаній, отношеній,—о томъ, чтобы не выдавать учителю Стеблеву его аттестата, потому что противъ него возбуждено формальное дѣло о растлѣніи имъ будто бы несовершеннолѣтней крестьянской дѣвицы... Какъ бишь ее?.. Да вотъ: «Министерство юстиціи, судебный слѣдователь —скаго окружнаго суда», и т. д.

— Убра-ать, убра-ать его, поскорѣе убрать! подтвердилъ предсѣдатель, также граціозно махнувъ рукою, по окончаніи монотоннаго чтенія Ивана Ивановича.

И Стеблевъ былъ снова «убранъ».

А. Гацисскій.